

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

«нянавісь варушылася, як нешта, што жыло ўласным жыццём» (... *hat reds tirred like something that had a life of its own*) [3, р. 23]. Па-іншаму тья ж кінастужкі ўспрымалі Ф'юзэлі і Крысфілд. Канфармісцка-абмежаваны лад мыслення не дазваляў ім зірнуць шырэй на падрыхтаванае ідэолагамі.

Раман Дж. Дос Пасаса «Тры салдаты» з'яўляецца адной з першых спроб празаіка разгледзець праблему «свайго» і «чужога», што характарызавала быццё Старога і Новага Свету. Мастак слова падкрэсліў, што вайна 1914 – 1918 гг. была толькі катализатарам, які паскорыў палярызацыю амерыканскага грамадства. Таму, мабыць, празаік надаў столькі ўвагі ўнутраным праблемам экспедыцыйнага корпусу. У скандэнсаванай форме ён увасабляў соцыум ЗША, які не зжыў падзел на «сваіх» і «чужых». Пісьменнік не менш увагі надаў і сучасным яму сродкам фарміравання грамадскай думкі пра знешняга ворага. Майстры прапаганды валодалі сапраўды эфектыўным апаратам пераконвання, бо большасць амерыканцаў палала нянавісцю да немцаў і аўстрыйцаў, якія ніякім чынам не паўплывалі на іх прыватнае жыццё.

ЛІТАРАТУРА

1. Хорев, В. Имагология и изучение русско-польских связей/В. Хорев//Поляки и русские в глазах друг друга. – М.: Издательство «Индрик», 2000. – С. 22 – 32.
2. Будагова, Л. К литературоведческой рефлексии Первой мировой войны/Л. Будагова//Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – С. 14 – 22.
3. Dos Passos, Jh. Three Soldiers/Jh. Dos Passos. – New York, The Modern Library, 1932. – 471 p.
4. Засурский, Я. Введение/Я. Засурский//История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI, книга 1/редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 5 – 11.
5. Bishop, Jh. P. Review/Jh. P. Bishop//John Dos Passos: The Critical Heritage/ed. by B. Maine. – London, New York, Routledge, 2005. – P. 25 – 26.
6. Matthews, Jh.T. American writing of the Great War/Jh.T. Matthews//The Cambridge Companion to the Literature of the First World War/ed. by V. Sherry. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 217 – 242.
7. Hall, N. Sh. 'John Dos Passos Lies!'/N. Sh. Hall//John Dos Passos: The Critical Heritage/ed. by B. Maine. – London, New York, Routledge, 2005. – P. 39 – 41.
8. Толмачёв, В. Поиск новой романной формы в творчестве Дж. Дос Пассоса, Дж. Стейнбека, Т. Вулфа/В. Толмачёв//Зарубежная литература XX века. В 2 т. Т.1. Первая половина XX века: учебник для академического бакалавриата/под ред. В. Толмачёва. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – С. 382 – 395.

Л.И. Шевцова

ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Образ читающей женщины в русской литературе появился не сразу, только в XIX в. Светское чтение как явление, характерное для определенных сословий России, оформляется где-то во второй половине XVIII века. Читателями были просвещенные дворяне, по преимуществу, мужчины. Однако ближе к концу XVIII века, в Екатерининскую эпоху, начинает формироваться дамский круг любителей чтения. Этому способствовал расцвет, как в Западной Европе, так и в России сентиментальной литературы – так называемой «легкой» поэзии, сентиментальных повестей и романов. Возникла мода на чтение, которая стала составляющей частью стиля жизни светской женщины, чему способствовал и рост числа женщин, умеющих читать, то есть грамотных. Формируется и книжный рынок для женщин как потребителей определенной печатной продукции: календари для «почтеннейших дам», советы по воспитанию, журналы о моде для дам, гадательные книги [1]. Дамские альбомы, в которые записываются чувствительные стихи, становятся приметой времени, равно как и литературные салоны, где модные литераторы читали свои произведения, или обсуждались прочитанные книжные новинки (салон Зинаиды Волконской). Да и сами дамы стали писать.

Данный исторический период, конец XVIII – начало XIX вв., ознаменовался развитием культуры «чувствительности», способности к эмоциональной рефлексии. Влияние сентиментальных стихов и романов огромно. Один из рецензентов только что вышедшего в Германии и скандального для того времени романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера» очень точно определил его новизну для читателя: роман «знакомит нас с чувствами и ощущениями, которые каждый чувствует внутри себя, но которые сам не знает, как назвать» [2, с. 55].

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

Русские читательницы находились под влиянием английских и французских сентиментальных романов: С. Ричардсона («Памела, или Вознагражденная добродетель», «Кларисса, или История молодой леди»), Ж.Ж. Руссо («Юлия, или Новая Элоиза», «Исповедь»). Из произведений русской литературы особой популярностью пользовалась повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».

Отметим, что феномен сентиментальной литературы связан с оформлением новой парадигмы художественности в искусстве – креативистской. На смену нормативному искусству, господствовавшему почти две тысячи лет, пришло искусство, в основе которого лежит творческое воображение, субъективная «новая реальность» фикции. Задача художника-сентименталиста – «вымышлять приятно», «изображать красоту, гармонию» (Н.М. Карамзин) и, что немаловажно, организовать особого рода отношения между автором, героем и читателем. «Читатель в рамках данной парадигмы – эмоциональное эхо автора, его «единичественник», поскольку переживания, составляющие содержание художественной деятельности, мыслятся сверхиндивидуальными, общечеловеческими» [3, с. 97].

В повести В.Ф. Одоевского «Княжна Зизи» (1836 г.) главная героиня *«вспоминает свои детские игры, первые впечатления, которые произвели на нее в первый раз прочитанные украдкой стихи; она помнит их от слова до слова; она вспоминает, как трепетало ее сердце при чтении первого попавшегося ей романа, как искренно плакала над судьбою героини и прятала драгоценную запрещенную книгу под изголовье, чтоб прочесть ее вновь и вновь с новым наслаждением; потом представляется ей, как нечувствительно чтением расширился круг ее понятий, как твердел ее ум и крепло сердце; как новые неожиданные мысли из глубины души, как будто из другого таинственного мира, возникали перед нею; как она ощущала в себе зарождение новых чувств <...> и дивилась своему перерождению»* [4, с. 91]. В.Ф. Одоевский в своей повести изобразил **читательницу сентиментального типа**, которая обладает вкусом, в принципе не уступающим авторскому и позволяющим ему ощутить, рассмотреть, оценить красоту, исключительную целостность произведений. «Новый императив читательской культуры состоит в требовании максимальной полноты и ясности эстетической актуализации текста как «совокупности факторов художественного впечатления» (Бахтин). Это императив внутреннего, эмоционально-волевого, аффективного подражания авторскому пафосу, достигаемого вниканием в детали и частности произведения как в своего рода симптомы такого пафоса» [5].

Но освоение собственного внутреннего мира через новые чувствительные романы привело к формированию **читательниц с сознанием романтического типа**. «Авторский текст становится для читателя предлогом и формой игровой реализации своего собственного «романа». <...> Читать, духовно «присваивая» текст, <...> означает для читателя становиться самим собой, обретать внутреннюю свободу самобытной личности» [3, с. 99]. В реальной жизни проявлением такого сознания, например, в Германии была эпидемия самоубийств читателей гетевского романа о юном Вертере. В России читательницы, находившиеся под влиянием карамзинской повести о «бедной» Лизе, совершали паломничества к пруду близ Симонова монастыря, который стал частью художественного пространства повести, и в котором утопилась героиня. Некоторые обманутые девушки следовали примеру Лизы. Их ироничный современник сочинил эпиграмму:

*Здесь бросилась в пруд Эраста невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места.*

Самыми известными образами читательниц романтического типа в русской литературе первой половины XIX века являются Софья Фамусова и Татьяна Ларина, появившиеся в известной комедии А.С. Грибоедова и романе в стихах А.С. Пушкина практически в одно время – в первой половине 20-х годов.

Отец Софьи, Фамусов, уже очень хорошо понимает, с его точки зрения, пагубное влияние, которое оказывают на сознание его дочери книги:

*Всю ночь читает небылицы.
И вот плоды от этих книг!
А все Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!*

То, что Софья полюбила «безродного» Молчалина, является следствием восприятия ею идеи Руссо, которую он художественно воплотил в своих романах, о «благородном простолудине», о чистоте и неиспорченности цивилизацией его мыслей и чувств. Услужливого и скрывающего свои истинные мысли и чувства Молчалина она приняла за скромного, застенчивого, несмелого, готового к самопожертвованию человека. Она выстраивает с ним отношения по модели сентиментальных сюжетов: тайные ночные, но невинные свидания, игра на музыкальных инструментах, чувствительная реакция на любое событие, связанное с возлюбленным. В комедии Грибоедова Софья изображена жертвой собственных заблуждений, порожденных представлениями о том, что сюжеты сентиментальных романов можно воплотить в жизнь, а их персонажи живут рядом. Однако ее характер в комедии стоит особняком от всех дру-

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

гих: автор изображает ее поступки искренними и бескорыстными, в ее сознании уже живет идеал человека, совершенно противоположный тому, о котором говорит ее отец. Характер Софьи потенциально динамичен, ее сюжетная линия остается открытой: читателю приходится домысливать, как сложится ее дальнейшая судьба.

Тип читательницы романтического типа встречается в пушкинских повестях «Барышня-крестьянка» (Лиза Муромская) и «Пиковая дама» (Лизавета Ивановна). Сходство их имен не случайно и отсылает к известной повести Н.М. Карамзина. Но А.С. Пушкин, пожалуй, впервые в русской литературе в романе в стихах «Евгений Онегин» изобразил героиню, которая претерпевает определенную эволюцию как читательница и, смею предположить, как личность. В начале романа «задумчивость», страсть к страшным рассказам, вера «преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны» – вот что составляет основу внутренней жизни юной Татьяны Лариной. Но самое главное – романы:

*Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.*

Их чтение дало толчок развитию воображения и чувств:

*Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась...*

«Нездешность» Онегина – его европейская внешность, некоторая отчужденность, загадочность – совпала с тем, что давно рисовало ее воображение. Она влюбилась, как и Софья Фамусова, не в реального человека, а в свое представление. И это новое состояние погружает Татьяну с еще большей силой в любимые романы:

*Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман,
С каким живым очарованьем
Пьет обольстительный обман!*

Все персонажи романов – Вольмар, Малек-Адель, де Линар, Вертер, Грандисон – «в единый образ облеклись, в одном Онегине слились». Себя она тоже воображает героиней «своих возлюбленных творцов» – «Кларисой, Юлией, Дельфиной». Книга сделалась ее «alter ego».

*Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...
Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.*

Под влиянием романов у нее формируется сознание романтического типа. Написать письмо к Онегину для Татьяны было естественным порывом, поскольку возлюбленные в сентиментальных романах друг другу пишут, раскрывают сердце, изливают душу. Она и не помышляла, что Онегин может не ответить. И можно представить всю драматичность ситуации, когда она не только не дождалась письма, но и получила от него «проповедь», которая ей непонятна. У ее любимых героев нет «умолкнувших чувств», презрения к семейной жизни, мыслей о том, что любовь приходит и уходит, и этой холодной рассудительности. «Загадку» Онегина Татьяна разгадывает опять же через чтение, но теперь она читает в его имени, в его комнате, «келье модной», те книги, которые читал он. «И ей открылся мир иной». Это мир произведений «лорда Байрона» и романов,

*В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,*

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

*Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.*

Татьяна начинает понимать, кто такой Онегин: «Чужих причуд истолкованье, / Слов модных полный лексикон...» И вот этот момент понимания Онегина через те книги, которые он читал и которые так же повлияли на формирование его сознание, как и на сознание Татьяны сентиментальные романы, является новой ступенью в развитии и Татьяны-читательницы, и Татьяны-личности. Она становится читательницей и личностью, обладающей пронизательностью «в отношении к Другому, к чужому «я»», культурой «сотворческого сопереживания, преодолевающего как «наивный реализм» сентиментального сострадания и сорадования, так и читательский произвол романтического «вчитывания» себя в чужой текст. <...> Это культура *эстетической актуализации смысла* существования героя как «своего другого», культура узнавания читателем себя – в другом и другого – в себе. На этом пути безоглядная самоактуализация личности трансформируется в озабоченное самопознавание, силой искусства освобожденное от эгоцентризма» [5]. Здесь Татьяна как персонаж вступает «в область познания общечеловеческого в себе и себя – в общечеловеческом контексте» [5]. То есть Татьяна становится **читательницей-реалисткой**, личностью, обладающей реалистическим типом сознания. Вместе с тем претерпевает изменения ее любовь к Онегину. Читая его письма, не переставая его любить, она, тем не менее, демонстрирует новый качественный уровень развития своего сознания: «целостное духовное самоопределение, выбор <...> собственной экзистенциальной позиции» [5], которая выражена в произведении известными словами героини: «*Но я другому отдана; / Я буду век ему верна*». Здесь мы встречаемся с наиболее глубинным — интерпретирующим — восприятием-самоопределением, конвергентным вхождением в диалогическую ситуацию произведения искусства как коммуникативного события [5]. Хотя, как это ни парадоксально, текстом является письмо персонажа. Это новый уровень развития не только читателя, но и личности, который В.И. Тюпа определил как **интерпретирующий**. Онегин же изображен человеком («*Стоит Евгений, / Как будто громом поражен*»), который так и не понял всей цельности и глубины героини, проделавшей драматический путь познания себя через другого и другого в себе.

Итак, образ читательницы, появившийся в русской литературе в первой половине XIX века, отразил процесс формирования человека нового типа сознания, который художественно воплотила креативистская парадигма словесного искусства от сентиментализма до модернизма. Преимущественно, это образ читательницы романтического типа, который не раз будет воспроизведен в литературе вплоть до наших дней. Однако гений А.С. Пушкина в Татьяне Лариной воплотил становление сознания конвергентного типа, и это становление проходит через чтение разных текстов. Вот почему Татьяна для него «*милый идеал*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сокольская, Л.В. Женщины как читательницы в «зеркале» моды (на материалах XVIII – XIX веков)/Л.В. Сокольская//Мода в книжной культуре: Сб. науч. статей. – Челябинск, 2010. – 170 с.
2. Goethe im Urteil seiner Kritiker. Dokumente zur Wirkungsgeschichte Goethes in Deutschland. Bd. 1. 1773-1832/Hrsg. v. Karl Robert Mandelkow. München, 1975.
3. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т./Под ред. Н.Д. Тмарченко. – Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М., 2004. – 512 с.
4. Одоевский, В.Ф. Княжна Зизи/В.Ф. Одоевский//Повести о любви. Сборник в двух томах. Том первый. – Минск, 1975. – 528 с.
5. Тюпа, В.И. Культура художественного восприятия и литературное образование/В.И. Тюпа//Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://setilab.ru/troi/wp-content/uploads/2008/10/tyupa.pdf>

Н.Ю. Шишкова

СНОБИЗМ КАК ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ У.М.ТЕККЕРЕЯ

На сегодняшний день проблема коммуникации, которая определяется как «Общение, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка» [1], является одной из актуальнейших проблем современного общества. Человек, как социальное существо не может жить без общения. По существу, вся наша жизнь – это непрерывный процесс коммуникации с са-